

— На самом деле, я довольно сильно им заинтересовался. Если представится возможность, хотел бы обменяться опытом.

Сюй Ся крикнула с кафедры:

— Следующий, Се Юй.

Се Юй медленно и вальяжно поднялся со своего места. Не глядя на то, какое сейчас выражение лица у Хэ Чао, он вышел к доске и вывел мелом: «Се Юй». Почерк был резким, уверенным и весьма красивым.

Затем он бросил мел в коробку, попутно стряхивая с рук белую пыль, и выдал краткую, но емкую самопрезентацию:

— Се Юй. И еще: я не крашу ногти черным лаком.

Когда Се Юй произносил последнюю фразу, его глаза были устремлены на одного конкретного идиота, однако этот идиот по фамилии Хэ ничуть не смутился. Более того, в наступившей тишине, когда остальные не знали, что и сказать, этот придурок первым начал аплодировать, отдавая должное своему соседу по парте:

— Хорошо! Отлично сказано!

Се Юй:

— ...

Черт возьми.

Когда Се Юй закончил и вернулся на место, Хэ Чао, ничуть не скрываясь, уставился на его руки. Се Юй, которому было нечем заняться, черкал что-то на бумаге, но, заметив этот взгляд, с досадой швырнул ручку:

— Ты больной?

Хэ Чао отозвался:

— Ты правда не красишь? В легендах о тебе говорится совсем другое.

В легендах о короле Силоу лак для ногтей занимал едва ли не центральное место. По крайней мере, Хэ Чао запомнил имя Се Юя именно из-за того самого неформального черного лака.

— ...Легенды — это бред собачий.

Хэ Чао тут же схватил Се Юя за руку:

— Не дергайся, дай посмотрю.

Се Юй не ожидал такой прыти. Пока он соображал, что к чему, рука уже оказалась в ладонях Хэ Чао.

Рука у Се Юя выглядела довольно изящной, почти утонченной. Чистая, с длинными пальцами, четко очерченными суставами и аккуратно подстриженными ногтями.

В детстве, когда дела в семье шли неплохо, Гу Сюэлань предлагала ему пойти на фортепиано, говоря, что у него тонкие и длинные пальцы, идеально подходящие для музыки. Однако Се Юй был слишком занят тем, что с упоением раздавал тумаки всем вокруг. Почти каждый день родители других детей прибегали к ним домой с жалобами: что это с вашим ребенком, почему он дерется?

После этого Гу Сюэлань больше никогда не заговаривала о фортепиано.

Хэ Чао только успел ухватиться за руку, не успев как следует изучить её, как Се Юй взорвался и рванул руку на себя:

— ...Твою мать, что с тобой не так?

Сидевшие перед ними двое одноклассников невозмутимо пододвинули стулья вперед. Раздался тихий скрежет ножек по полу, и они не останавливались, пока грудь не уперлась в края парт, так что стало даже трудно дышать, лишь бы только оказаться как можно дальше от двух «королей» с задней парты.

Хэ Чао:

— Ну чего ты, я же просто потрогал.

— Пошел ты к черту, — отрезал Се Юй. — Не смей меня трогать.

Хэ Чао промолчал и просто протянул свою руку перед Се Юем.

Се Юй взглянул на него, вспомнив недавние слова: «Я довольно сильно им заинтересовался».

— Хочешь обменяться опытом?

— Трогай. Позволяю тебе потрогать в ответ.

Се Юй:

— ...

Когда последний ученик сошел с кафедры, Сюй Ся кашлянула, намекая двум конкретным личностям соблюдать дисциплину:

— На этом классный час окончен. Ученики, живущие в общежитии, обязаны строго придерживаться правил школы. Я не хочу тратить время после уроков на решение вопросов, не касающихся учебы. Имейте это в виду.

Раздав расписание вместе с уведомлениями, Сюй Ся добавила:

— Лю Цуньхао, побудь пока временно старостой, у тебя есть опыт.

Лю Цуньхао почувствовал, как сердце ушло в пятки:

— ...А, хорошо.

— Эй, так что там с твоим лаком? — не прошло и двух минут, как Хэ Чао снова завел свою песню.

Се Юй решил, что этот человек — просто заноза в заднице.

История с черным лаком. Се Юй никак не ожидал, что она оставит такой яркий след в его биографии.

Примерно полгода назад на улице Хэйшуй проводился танцевальный конкурс. Комитет микрорайона развесил транспаранты, призывая всех активно записываться, и развернул небывалую агитационную кампанию. Однако по лозунгам было ясно, что целевая аудитория — вовсе не молодежь, ведь там было написано: Вернем себе молодость, обретем уверенность юных лет!

В то время виза Дамэй была уже готова, и ему предстояло уехать в ближайшее время. Перед отъездом он во что бы то ни стало решил затащить их на этот конкурс.

Чжоу Далэй, который танцевать не умел вовсе, отказался наотрез:

— Ни за что, это же позор! О чем ты думаешь? Соревноваться в танцах с кучей тетушек из комитета? Ты с ума сошел?

Се Юй тоже сказал:

— Дамэй, тут и обсуждать нечего.

Не говоря уже о тех тетушках, даже Сюй Яньмэй и мама Лэй заранее подготовились к этому

конкурсу. Се Юй даже был вынужден пойти на площадь, чтобы посмотреть на их грациозные танцы с веерами — зелеными, с блестящими пайетками.

Говорили, что в молодости мама Лэй была первой красавицей на всю округу, но к тому времени она уже растолстела до ста килограммов. Когда они закончили выступление, Се Юй, стоя посреди площади, с трудом выдавил из себя:

— ...Неплохо.

В этот раз Дамэй был настроен крайне серьезно. Они-то думали, что это минутная прихоть, но Дамэй донимал их три дня. Небывалый случай.

Чжоу Далэй пытался воззвать к разуму:

— Дай мне причину, Дамэй, дай мне хоть одну причину преодолеть этот стыд.

Дамэй вздохнул:

— Брат, я скоро уезжаю, неужели ты такой бессердечный, что не можешь исполнить мое маленькое желание?

Чжоу Далэй:

— Ты бы еще попросил меня достать тебе звезду с неба, маленький проказник.

Дамэй:

— ...

Дамэй посмотрел на Се Юя, но тот даже разговаривать не стал, просто развернулся и ушел:

— Пойду домой ужинать.

В конце концов они не выдержали напора этого «маленького проказника». Одной темной ночью Дамэй вытащил их на улицу. Трое сидели на бордюре, продуваемые ледяным ветром. Чжоу Далэй кутался в куртку, пытаясь защитить прическу, но в итоге всё равно выглядел как идиот.

— Дамэй, что ты творишь? Посреди ночи? — Чжоу Далэй решил, что иногда братьев нужно воспитывать. — На неприятности нарываешься?

Дамэй, стоя против ветра, присел перед ними и выдал всю палитру эмоций:

— На самом деле, я давно тайно влюблен в одну девушку, но не решаюсь признаться. Вы же знаете, я скоро уезжаю... Любовь на расстоянии — это слишком тяжело, не хочу начинать. В

этой жизни — никаких отношений на расстоянии! Просто хочу, чтобы перед отъездом она запомнила мой крутой и стильный образ.

Се Юй:

— ...

Чжоу Далэй был в том возрасте, когда жаждешь романтики, или, возможно, его просто окончательно доконал трехчасовой ночной холод. Он шмыгнул носом, немного поколебался и дрогнул:

— А других способов нет? Показать свой крутой и стильный образ — только так можно?

В итоге они всё-таки выступили. Но когда трое парней стояли в очереди на регистрацию, атмосфера была до того неловкой, что хоть вешайся.

— ...Старик, посмотри на этих троих парней.

— Да, на этих троих парней.

— Парней?

Троица:

— ...

У Дамэя было тонкое чутье на моду. Если бы время позволяло, он бы, наверное, сам разработал дизайн сценических костюмов. Когда он достал пузырек с черным лаком, Се Юй был категоричен:

— Это то, что ты называешь крутостью?

Дамэй, нанося лак, сказал:

— Это чертовски круто, серьезно, брат Юй, поверь мне. Я вчера всю ночь смотрел видео, все крутые парни танцуют именно так.

Благодаря Дамэю их сценический образ не только оказался на острие неформальной моды, но и вобрал в себя кучу странных элементов.

В день выступления Се Юй прогулял уроки. На самом деле, они толком ничего не отрепетировали. Се Юй танцевал неловко, Дамэй — манерно и мягко, что выглядело крайне постыдно, а про Чжоу Далэя и говорить нечего: он танцевал ужасно, но был уверен, что посмотрится просто великолепно. В итоге они просто неслись по сцене, не зная движений, постоянно сталкиваясь друг с другом.

Се Юй вспомнил про лак на ногтях только на следующий день на уроках. Чжоу Далэю повезло еще меньше: у него был турнир по киберспорту в интернет-кафе, довольно серьезный, с онлайн-трансляцией. Вечером того дня несколько тысяч человек наблюдали, как он держит мышку рукой с черными ногтями, а остальные пять пальцев непрерывно стучат по клавиатуре.

Впрочем, всё это было неважно. Се Юя беспокоило лишь одно: даже после отъезда Дамэя они так и не узнали, кто была та девушка.

Чжоу Далэй однажды, покуривая, рассуждал:

— Знаешь, у меня есть смелое предположение. А что, если Дамэй влюбился в какую-нибудь тетюшку средних лет? Из нашего комитета? Но стеснялся, боялся, что мы будем смотреть на него с осуждением... Черт, это же выходит за все рамки... Но если нет, то как это объяснить? В зале ведь не было ни одной девчонки.

Се Юй не стал вдаваться в подробности, Хэ Чао лишь выслушал в общих чертах и кивнул:

— О... значит, сценический эффект.

В его голосе сквозило такое явное разочарование, что Се Юй заметил:

— Кажется, ты разочарован.

Хэ Чао ответил:

— А, ну есть немного.

Как только Сюй Ся объявила о конце собрания, все принялись собирать вещи и выходить. Несколько парней, которые уже давно околачивались у входа в третий класс, распахнули окно и закричали:

— Брат Чао, идем в баскетбол играть!

В целом, Хэ Чао пользовался большой популярностью. У него был характер, позволявший легко заводить друзей. Хотя имя «короля» наводило ужас, многие парни из его прежнего класса были с ним в отличных отношениях и часто звали его играть в мяч или в компьютерные игры.

Шэнь Цзе тоже был среди них. Когда Сюй Ся выходила, она холодно взглянула на него, и Шэнь Цзе, который уже было собрался сказать: «Идем, поиграем», — в последний момент ловко и неестественно поменял фразу:

— Я не буду играть, я посмотрю, как вы играете. У меня желудок до сих пор побаливает.

Хэ Чао, пребывавший в хорошем настроении, откинулся на спинку стула и помахал им:

— Идем, увидимся на площадке.

Сказав это, он опустил голову и достал из кармана маску. Уже собираясь надеть её, он вдруг о чем-то задумался, замер и спросил:

— Идешь играть?

Се Юй сразу встал и направился к выходу:

— Нет.

Хэ Чао пожал плечами, ничего не сказав. Когда Се Юй дошел до двери, Хэ Чао вдруг окликнул его:

— Се Юй?

Се Юй обернулся, прислонившись к косяку. На его лице было написано всё, что он думает: «Говори быстрее, если что-то есть» и «Ты меня бесишь».

Хэ Чао уже надел маску:

— Ничего, просто запоминаю имя нового соседа.

— ...

Хэ Чао добавил:

— Будем дружить, сосед.

Гу Сюэлань позвонила Се Юю около шести вечера.

— Ужинал? Видел сегодня учителей и одноклассников? — спросила она. — Как тебе сосед?

В десятом классе у Се Юя был сосед, но потом, по мере того как его репутация портилась, учителя приняли меры, и он сидел один. Гу Сюэлань, не зная, от кого это услышала, удивилась, что в одиннадцатом классе у него появился сосед, и поспешила позвонить.

Се Юй подумал: «...Никак».

Но чтобы избежать лишних расспросов, ответил:

— Нормально. Жизнерадостный, любит спорт, вот только с учебой туговато.

Гу Сюэлань не знала, почему её сын, который на каждой контрольной плелся в хвосте списка, так естественно критикует соседа за плохую успеваемость.

Она дала еще несколько наставлений, в основном о том, чтобы он не нарывался на

неприятности и прилежно учился. Се Юй реагировал вяло, кроме «угу» ничего не ответив.

— Ну, тогда не буду тебя задерживать, — сказала Гу Сюэлань. — Подумай сам, мама не может тебя контролировать, ты почти взрослый... не будь таким импульсивным.

Се Юй ответил:

— Угу, отдыхай.

Се Юй-то как раз не нарывался на неприятности, а вот его «жизнерадостный и спортивный» сосед в первый же день учебы натворил дел.

...Неугомонный.

Пошел играть в баскетбол и побил парня, который был отличником и круглым отличником.

Сюй Ся вышла из кабинета директора. Давно её так не отчитывали. Начальство было в ярости: первый день учебы, а тут такое! У неё спрашивали, как она управляет классом и как воспитывает учеников. Она стояла, опустив голову, и выслушивала выговор, не зная, то ли от злости, то ли от стыда — лицо то бледнело, то краснело. Вернувшись в кабинет, она с грохотом бросила методичку на стол.

Другие учителя вздрогнули от неожиданности и подняли головы. Увидев, в каком состоянии Сюй Ся, никто не решился спросить, что случилось.

Лю Цуньхао как раз подошел, чтобы сдать уведомления с подписями родителей. Сюй Ся, доведенная до него бешенства, холодно произнесла:

— Хэ Чао в классе? Позови его сюда.

Лю Цуньхао было страшно. Хотя все говорили, что Се Юй из Силоу куда страшнее — угрюмый одиночка, а тот, что из Восточного корпуса, куда проще и интереснее. Но Хэ Чао он боялся больше.

Он своими глазами видел, как Хэ Чао дерется. Это было еще в десятом классе. Посреди урока у него вдруг скрутило живот, он поднял руку, отпросился в туалет и, схватив салфетки, побелел. Прибежав, он увидел на двери туалета табличку «Ремонт».

Он уже собрался идти на другой этаж, как вдруг услышал, что внутри кто-то плачет и молит о пощаде:

— Я виноват... не бей меня, я виноват...

Лю Цуньхао замер, сделал шаг внутрь и осторожно заглянул.

Хэ Чао, держа в двух пальцах сигарету, стоял перед парнем, который стоял на коленях на полу. Хотя на Хэ Чао была аккуратная школьная форма, само слово «правила» не имело к нему никакого отношения. Хэ Чао прищурился, выпустил струю дыма. Когда он не улыбался, от него веяло холодом до самых костей, и в нем чувствовалась какая-то подавленная, но яростная дерзость.

Это было совсем не похоже на того парня, который вечно шутил и смеялся с окружающими.

Он стряхнул пепел, в его глазах стоял мрак. Затем он присел на корточки и схватил того парня за волосы, заставляя поднять голову:

— Смелый, да?

В одиннадцатом классе «Б» была своя группа в мессенджере. Почти у каждого класса была такая — чтобы следить за учителями и обеспечивать свободу слова. В общей группе были все учителя, и говорить там было неудобно. Если учитель был на одной волне со студентами — еще куда ни шло, но такая женщина в менопаузе, как Сюй Ся, которая вечно ходила с постным лицом и излучала строгость, явно была с ними на разных полюсах.

Но эта группа класса «Б» была особенной. Они опасались не только учителей, но и двух особ, державших в страхе всю школу.

[Аноним А]: ...Слышали, Хэ Чао побил Ян Вэньюаня?

[Аноним Б]: У меня друг в одном классе с Ян Вэньюанем, говорит, его так отделали, что он до сих пор в больнице лежит.

[Аноним В]: Тот самый Ян Вэньюань из восьмого класса?

Сообщения в группе летели одно за другим. Лю Цуньхао смотрел на имя «Ян Вэньюань», и в памяти всплывала та самая сцена, от которой у него когда-то стыла кровь.

— Не бей меня... я виноват...

Хэ Чао, держа того парня за волосы, тихо произнес:

— Я разве не предупреждал тебя? Я, мать твою, разве не предупреждал?

Ян Вэньюань стоял на коленях. Он был очень худым, лицо — в прыщах, неровное. Плиточный пол в туалете был грязным, в лужах воды. Он плакал:

— Отпусти меня, пожалуйста.

Когда Лю Цуньхао пришел позвать Хэ Чао в кабинет, Шэнь Цзе как раз прибежал поболтать. Он притащил стул и сел рядом с Хэ Чао, совершенно не чувствуя себя «гостем из другого

класса»:

— Эй, ты у окна, задерни шторы, а?

Хэ Чао ответил:

— Ты кого это припахал? Сам и задергивай.

Шэнь Цзе встал, задернул шторы и сел обратно. Следующим уроком у него была физкультура, делать было нечего. Увидев, что Хэ Чао не выпускает телефон из рук, он с любопытством спросил:

— Брат Чао, во что играешь?

Хэ Чао не ответил. Он придвинулся к Се Юю, показывая экран:

— Мастер, посоветуй, а?

Се Юй ответил двумя словами:

— Иди к черту.

— ...

Шэнь Цзе не унимался:

— Дай глянуть! Я помогу, я посоветую.

— Иди к черту, — повторил Хэ Чао. — Вали в свой класс, проветрись.

Шэнь Цзе был настойчив и наконец украдкой бросил взгляд. Розовый интерфейс, длинноволосая мультяшная девушка в белом белье стоит у шкафа и хлопает глазами.

Шэнь Цзе был в шоке, запинаясь:

— Это... это что, та самая... та самая...

— Та самая игра-одевалка, от которой фанатеют миллионы школьников, — невозмутимо сказал Се Юй.

Хэ Чао играл весь урок, и весь урок он донимал Се Юя. Каждый раз, когда Хэ Чао с уверенностью подбирал наряд, баллы были неутешительными. Он пробовал один и тот же уровень много раз, а в конце швырнул телефон перед Се Юем:

— Сосед, выручай?

Подбор одежды, как и игра в карты, требовал удачи. Се Юй, которому он уже порядком надоел, наугад ткнул в несколько вещей:

— Ты что, слабоумный? В такие игры играть? ID «Мягкий милашка»? Ты слишком вжился в роль, да?

Се Юй нажал наугад, и результат оказался неожиданно высоким.

— Мастер! — Хэ Чао искренне восхитился. — Как ты это сделал? Этот наряд выглядит так уродливо, а баллов столько!

Шэнь Цзе почувствовал, что мир поплыл перед глазами, и предпочел поверить, что это с его вкусом что-то не так:

— А? Эта игра... интересная? В чем её фишка?

Хэ Чао был занят раздумьями над следующим нарядом и не обращал на него внимания.

Се Юй быстро списал домашку, закрыл книгу и бросил:

— Фишка? Полная деградация.

Лю Цуньхао вошел в класс через заднюю дверь и встал перед Хэ Чао:

— Иди в кабинет, Сюй Ся вызывает.

Хэ Чао лениво отозвался, совершенно не принимая это за серьезное дело. Через некоторое время он поднял голову и увидел, что Лю Цуньхао всё еще стоит перед ним:

— ...Что-то еще?

Лю Цуньхао, казалось, долго собирался с духом, прежде чем выпалить:

— Не думай, что тебе всё позволено. Ян Вэньюань из-за тебя...

Шэнь Цзе, услышав это, поспешил перебить:

— Погоди. Ян Вэньюань? Что?

На перемене в классе стоял шум, никто не заметил, о чем они говорят в углу.

Хэ Чао всё понял. Он перестал улыбаться, убрал телефон и задумчиво произнес:

— А, вот оно что.

Шэнь Цзе:

— ...Что «вот оно что»?

Се Юй остался в стороне, никак не отреагировав.

Лю Цуньхао на самом деле было очень страшно, но он вспыхнул. Он долго корил себя за то, что когда-то струсил и убежал, не защитив одноклассника. Теперь старые обиды смешались с новыми, и он был взвинчен. К тому же, лицо Хэ Чао стало холодным, и Лю Цуньхао испугался, что действительно перегнул палку.

Однако Хэ Чао лишь бросил телефон Се Юю:

— Выручи, пройди еще пару уровней. Мне сегодня нужно обогнать «Сладкий пудинг» из списка друзей.

Се Юй взял телефон, но не успел отказаться — Хэ Чао уже вышел.

Прозвенел звонок.

Шэнь Цзе, волоча стул, побрел к выходу, озадаченно бормоча себе под нос:

— ...

<http://bllate.org/book/21761/2250346>